

Константин Степанович Веселовский

**Опыты нравственной
статистики России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 **Веселовский К.С.**
Опыты нравственной статистики России / Константин Степанович Веселовский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 66 с.

ISBN 978-5-458-15668-4

ISBN 978-5-458-15668-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

изученіе которой для Статистики возможно, потому-что она вноситъ въ свои счеты тѣ движенія душевныя, которыя выразились опредѣленными и подлежащими виѣшнимъ чувствамъ поступками, и, слѣдовательно, изъ области духовной перешли въ міръ физической. Мы сказали, что это изученіе возможно; но этого мало: оно благотворно и обильно высокими поученіями; касаясь существенныхъ сторонъ человѣческой природы, оно въ-состояніи навести на весьма важные выводы, заслуживающіе равно вниманіе и философа-наблюдателя, и публициста-практика.

Розысканіе общихъ причинъ и законовъ такого явленія, которое само-по-себѣ есть результатъ весьма сложный, произведеніе чрезвычайно разнородныхъ вліяній и обстоятельствъ, составляетъ всегда одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ. И какъ область человѣческихъ наблюденій и знаній расширяется мало-по-малу, медленно и постепенно, то многіе статистики, конечно, подпадали справедливому упреку въ поспѣшности, когда выводили слишкомъ-общіе законы изъ наблюденій слишкомъ-частныхъ и еще немногочисленныхъ. Нужно имѣть терпѣніе — собирать какъ-можно болѣе фактовъ, разсмотрѣть ихъ съ разныхъ сторонъ, освѣтить ихъ Критикой и Философіей — и только тогда мы вправѣ ожидать отъ Статистики правильныхъ и полезныхъ заключеній. Безъ этого раціональнаго анализа, цифры не могутъ имѣть никакого значенія, и

часто изловков или недобросовѣстное сближеніе ихъ и толкованіе открываютъ только путь къ ошибкамъ и ложнымъ заключеніямъ. Вся трудность состоитъ въ томъ, чтобы понять и разъяснить себѣ массу фактовъ, представляемыхъ намъ въ сыромъ видѣ цифрною статистикою; поставить ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ, подвести ихъ подъ настоящія причины, найти между ними настоящія отношенія и вывести заключенія нравственныя, находящія себѣ опору и въ другихъ наукахъ. Такова задача Статистики, и она не можетъ ея разрѣшить безъ помощи Критики и Философін. Въ нашъ вѣкъ, когда Философію прилагаютъ ко всему, одна Нравственная Статистика еще ожидаетъ плодотворнаго наитія этого свѣтильника. Одинъ великій мыслитель нашего времени сказалъ: «нѣтъ ничего нелѣпѣе факта;» и, безъ сомнѣнія, Статистика, если она ограничится ролью собирательницы фактовъ, должна принять на свой счетъ этотъ догматическій комплиментъ. Между-тѣмъ, важность и польза ея могли-бы быть весьма обширны.

Убѣжденный въ важности предмета, я рѣшился приступить къ розысканіямъ этого-рода въ примѣненіи къ нашему Отечеству. Предомногу представлялось поле обширное и еще невоздѣланное. Чѣмъ дальше подвигался я впередъ, тѣмъ болѣе представлялось мнѣ вопросовъ, сомнѣній, недоумѣній. Для разрѣшенія ихъ потребовалось новыя розысканія. Все это составляю работу сложную и многотрудную,

для совершенія которой нужно немало времени. Между-тѣмъ, я рѣшился, не ожидая конца всего дѣла, приступить къ изданію въ свѣтъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ главъ, которыя, случайно, были окончены раньше другихъ, и на нынѣшній разъ начинаю рядъ этихъ опытовъ — розысканіями о преступленіи, тѣсно связанномъ съ многими общественными и психологическими вопросами, именно — о «самоубійствѣ».

Изъ всѣхъ существъ, одинъ человѣкъ обладаетъ печальною способностью самовольно прекращать дни свои. Казалось-бы, что можетъ быть сильнѣе любви къ жизни, этого чуднаго инстинкта, который, и въ самыя горькія минуты скорби человѣка, еще рисуетъ предъ глазами его, хоть въ туманѣ неясной дали, заманчивыя отрадные картины? Но чѣмъ сильнѣе этотъ инстинктъ, тѣмъ поразительнѣе и загадочнѣе для насъ явленіе, представляемое человѣкомъ, который, заглушивъ въ себѣ всегласный голосъ природы, подымаетъ на себя руку. При этомъ зрѣлищѣ, приводящемъ въ содраганіе, невольно возникаютъ въ душѣ тысячи вопросовъ: какія причины привели этого несчастнаго на край пропасти? малодушіе-ли и слабость Горациева «*animi pusillit et inopis*»; безразсудство-ли и сумасшествіе; или-же безправственность, недостатокъ чувства добродѣтели и религіи? много-ли бываетъ такихъ несчастныхъ? къ какому принадлежали они сословію? какого возраста, пола, образа жизни, образованности? Много подоб-

ныхъ вопросовъ возбуждаетъ пытливость, въ надеждѣ доискаться причинъ зла, и такимъ образомъ изъ анатоміи умершихъ извлечь полезное поученіе для живущихъ.

Самоубійство было издавна предметомъ изученія и толковъ. Науки философскія и естественныя разсматривали его каждая съ своей точки зрѣнія. Философія изслѣдовала это явленіе по отношенію къ условіямъ бытія и небытія, къ законамъ дѣйствія воли человѣка и т. п.; Законовѣдѣніе опредѣляло степень вмѣняемости преступленія, и т. д.; Патологія, Публичная - Гигіена и Судебная - Медицина подвергали вопросъ разсмотрѣнію со - стороны частнаго и общественнаго здоровья. Чтò же остается на долю Статистики? Не явилась-ли она уже слишкомъ поздно, когда всѣ удѣлы уже розданы и всѣ мѣста заняты? По нашему мнѣнію, нисколько. Напротивъ: задача Статистики въ этомъ случаѣ весьма важная и немалотрудная. Ирринимая плоды розысканій другихъ наукъ за пеходные пункты, за готовые данныя, Статистика разсмотритъ самоубійство въ его числительномъ явленіи, изслѣдуетъ причины его производящія, не по догадкамъ наукъ, разсуждающихъ а priori, не по началамъ аналогіи, а по итогамъ численнымъ, по сложности дѣйствительныхъ событій. Такимъ-образомъ, она, съ-одной-стороны служитъ повѣркою выводовъ другихъ наукъ, съ другой — доставитъ имъ факты и матеріалы для дальнѣйшихъ розысканій.

Прежде-нежели приступимъ къ статистическимъ розысканіямъ о самоубійствѣ, нелишнимъ считаемъ замѣтить, что этотъ предметъ представляетъ немало трудностей, особенно если, на основаніи этихъ розысканій, захотимъ выводить сравненія между различными государствами и народами. Можно утвердительно сказать, что вездѣ число самоубійствъ бываетъ значительнѣе того, какое оказывается на основаніи оффиціальныхъ документовъ; и вотъ тому причины: находятъ трупъ; ни на немъ самомъ, ни въ обстоятельствахъ, открываемыхъ слѣдствіемъ, не обнаруживается никакихъ несомнѣнныхъ признаковъ, по которымъ можно было-бы утвердительно сказать: погибъ-ли человѣкъ отъ несчастнаго случая, отъ злодѣянія другаго человѣка, или наконецъ отъ своей собственной руки, особенно если трупъ найденъ уже въ то время, когда въ немъ началось гніеніе. Въ Судебной-Медицинѣ есть основанія, по которымъ можно опредѣлить родъ смерти, но во многихъ случаяхъ не иначе, какъ когда изслѣдованіе произведено немедленно; а это не всегда и возможно, при огромныхъ пространствахъ, лѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ и рѣдкомъ населеніи. Сверхъ-того, есть роды смерти, при которыхъ такія изслѣдованія крайне трудны, на-примѣръ утопленники.

Число подобныхъ сомнительныхъ случаевъ вездѣ болѣе-или-менѣе значительно. Такъ, на-примѣръ, у насъ, по оффиціальнымъ свѣдѣ-

віямъ за 1851 годъ, показано: погибшихъ отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ, при которыхъ родъ смерти (но всегда-ли и причина?) опредѣлительно дознанъ — 5,418; сверхъ-того, утопленниковъ (изъ которыхъ о весьма-многихъ нельзя было дознать, какъ они попали въ воду) — 5,286; затѣмъ означено прямо погибшихъ отъ неизвѣстныхъ причинъ — 2,441, найденныхъ мертвыхъ тѣлъ — 1,824, пропавшихъ безъ-вѣсти — 72. По сложности девяти лѣтъ, съ 1855 по 1861 годъ, приходится на годъ по 4,750 погибшихъ отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ, и сверхъ-того по 4,088 утопленниковъ. Въ С.-Петербургѣ, по сложности осьми лѣтъ (1854—1861), приходится на годъ почти по 50 самоубійствъ; но, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, въ отчетахъ С.-Петербургскаго Полиціймейстера читаемъ, что найдено мертвыхъ и вслывшихъ тѣлъ: въ 1854 году — 71, въ 1855 — 82, въ 1856 — 65, въ 1857 — 60, въ 1859 — 49, въ 1860 — 172; и изъ послѣдняго числа — 56 отправлено въ анатомическій театръ, а 116 — по гнилости труповъ, предано землѣ безъ анатомическаго вскрытія.

Трудность этого-рода въ дознаніи вѣрнаго счета самоубійствамъ замѣчена и въ другихъ странахъ. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что самовольное прекращеніе жизни вездѣ набрасываетъ на погибшаго тѣнь безславія и нѣкотораго позора въ обществѣ мѣщин, и даже навлекаетъ со-стороны

правосудія преслѣдованіе ; а потому, весьма естественно, со-стороны родственниковъ и друзей несчастнаго являются старанія скрыть настоящій родъ смерти погибшаго. Поэтому, значительное число изъ показанныхъ въ итогѣ погибшихъ отъ несчастныхъ случаевъ и скоропостижной смерти, вѣроятно относится къ этой категоріи. Тоже должно сказать о тѣхъ случаяхъ посягательства на собственную жизнь, когда они не удалсь; ибо здѣсь сокрытие истины предъ взоромъ Фемиды еще легче. Въ Парижѣ, изъ посягавшихъ на свою жизнь приходится одна треть такихъ, которыхъ попытка не удалась. У насъ въ два года, съ іюля 1844 по іюль 1846 года, по донесеніямъ Губернскихъ Начальствъ о происшествіяхъ, было 3,519 самоубійствъ и 350 неудавшихся покушеній; слѣдовательно, на годъ приходится: первыхъ—1,659, вторыхъ—165. Въ Уголовныхъ Палатахъ и Совѣстныхъ Судахъ, за самоубійство, или точнѣе—за покушенія на самоубійство, судилось:

въ 1834 году	507
— 1835 —	511
— 1836 —	445
— 1837 —	429
— 1838 —	453
— 1839 —	509
— 1840 —	662
— 1841 —	544

итого 4,060

среднее въ годъ . . . 507

За тѣже годы, по отчетамъ Министерства В. Д., показано самоубійствъ 12,022, или среднимъ-числомъ на годъ по 1,502; и въ этотъ счетъ очевидно не вошли неудавшіяся покушенія, которыя, однакоже, при розысканіяхъ о самоубійствѣ, не могутъ быть упускаемы изъ виду. Изъ сличенія числа представавшихъ предъ суды за самоубійство съ 1834 по 1841 годъ, съ числомъ покушеній, показанныхъ выше за два года (1844—1846), очевидно также, что въ вѣдомости о происшествіяхъ, представляемыя Губернскими Начальствами по два раза въ мѣсяць, не попадаютъ многіе случаи, которые обнаруживаются въ-послѣдствіи и не ускользаютъ отъ судебного преслѣдованія. Между-тѣмъ, на этѣхъ вѣдомостяхъ основаны всѣ наши данныя о числѣ самоубійствъ, и если въ-отношеніи-къ неудавшимся покушеніямъ у насъ есть повѣрка въ показаніяхъ судебныхъ инстанцій, то въ-отношеніи-къ совершеннымъ самоубійствамъ мы должны только по аналогіи заключить, что число ихъ значительное показаннаго въ вѣдомостяхъ.

Такъ-какъ трудности въ опредѣленіи настоящаго числа самоубійствъ существуютъ вездѣ и въ другихъ странахъ, то должно прежде-всего признать, что данныя, относящіяся къ этому предмету, должны быть принимаемы не иначе какъ за приблизительныя. Особенно затруднительнымъ становится сравненіе между собою чиселъ, относящихся къ разнымъ странамъ, и еще болѣе къ разнымъ періодамъ вре-

мени. На-примѣръ, въ Англіи, которая въ мнѣніи самихъ Англичанъ сльветъ классическою страной самоубійства, и гдѣ, однакоже, самое очевидное самоубійство не заносится этимъ именемъ въ официальные списки во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда можно предположить въ преступникѣ хотя малѣйшее затемнѣніе или помѣшательство разсудка предъ свершеніемъ его замысла, очень естественно, что большая часть настоящихъ самоубійствъ ускользаетъ отъ официального счета. Поэтому - то и видимъ такое разнорѣчіе въ показаніи самоубійствъ въ Англіи: Баржмонъ считаетъ ихъ въ Лондонѣ — по 1 на 300 жителей; а Касперъ — по 1 на 5,000. Можно думать, что какъ первое показаніе преувеличено, такъ второе менѣе настоящаго. Точно-также, по многимъ причинамъ, должно признать, что въ прежнее время гораздо болѣе самоубійствъ оставалось пропущенными въ показаніяхъ, и что поэтому данныя о давнихъ годахъ представляютъ менѣе вѣрности, чѣмъ о новѣйшихъ.

Но показавъ всѣ трудности, связанныя съ розысканіями объ избранномъ нами предметѣ, должны ли мы отказаться отъ мысли идти далѣе? Какое вѣроятіе могутъ имѣть выводы, основанные на такихъ данныхъ? Этотъ вопросъ весьма естественно родится у многихъ.

Всѣ статистическія розысканія, особенно когда они обращаются на предметъ такъ-сказать новый, еще не разработанный, не очищенный критическимъ взглядомъ, по-необхо-

димости подпадаютъ, въ весьма-значительной степени, закону несовершенства человѣческихъ знаній. Но можетъ-ли это служить разумною причиною тому, чтобы отказаться отъ такихъ розысканій? Только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ и не мыслить. Чѣмъ-болѣе розысканій, и притомъ чѣмъ-болѣе критики при этѣхъ розысканіяхъ, тѣмъ-болѣе разъясняется предметъ, тѣмъ-болѣе открывается средствъ устранить ошибки и недостатки. Чтоже касается до выводовъ изъ розысканій о томъ предметѣ, о которомъ мы теперь говоримъ, то поелнку всѣ статистическіе выводы основаны не на безотносительной величинѣ какого-либо числа, а на сравненіи между-собою чиселъ; на опредѣленіи между ними пропорціональности, то и изъ тѣхъ данныхъ, которыя повинѣ собраны о самоубійствѣ, возможно вывести нѣкоторыя общія заключенія, общіе законы, равно подтверждающіеся во всѣхъ мѣстахъ. Нельзя, на-примѣръ, сомнѣваться въ томъ, что самоубійство въ нѣкоторыхъ странахъ бываетъ чаще, чѣмъ въ другихъ; что, въ-особенности, это печальное явленіе чаще повторяется въ большихъ городахъ, чѣмъ въ селеніяхъ; что, въ новѣйшее время, число самоубіеній сдѣлалось значительнѣе, чѣмъ въ прежнее время; что жертвъ этой болѣзни или этого преступленія болѣе между мужчинами, чѣмъ между женщинами; что, наконецъ, некушенино самоубіенія болѣе подвержены извѣстные возра-